

Автор более 40 лет катается на горных лыжах, кроме того, ходит под парусом и летает на парплане, в журнале «ФиС» публикуется с 1974 года, продолжает искать все новых приключений; доктор экономических наук, профессор, член Союза журналистов России, фотограф.

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ...

Под таким названием более 20 лет тому назад в любимом журнале «Физкультура и спорт» был опубликован мой очерк о приключениях парусного дикаря, привезшего с собой на Черное море не только всю семью, но и любимую парусную доску. Тогда морскую гладь на своем «Виндглейдере» я рассекал практически в одиночку, компанию мне составляли только прогулочные гребные катамараны да рыбацьи надувнушки. Парусов в море не было, да и пограничники лютовали. Теперь не то – и парусов в море немало, и прокат на каждом шагу. И не о том хочу я написать.

Мне уже приходилось в одиночку испытывать судьбу и на горных лыжах в Саянах или Альпах, и под парусом на Байкале или на родном Обском море. Причиной одиночества было вовсе не испытание себя в экстремальных условиях, а исключительно отсутствие спутников. Со случайными идти не хотелось, а у друзей не складывалось. Вообще понятие «сложилось – не сложилось» стало играть все большую роль, особенно с течением времени. Говоришь, бывало, с успешным бизнесменом в кулуарах какой-нибудь экономической тусовки, и на вопрос: «А когда ты в последний раз катался на лыжах?» – он задумчиво скребет себе идеально причесанный затылок. Нет, в Альпы раз в год он ездит обязательно, а вот текущие стрессы снимает проверенным в России способом. Да и не только в России.... Сейчас, хочу отметить, набирает силу новая молодая поросль бизнеса. Некоторые из этих ребят успевают все: и целину альпийскую бороздить, и в Атлантике штормовать, и деньги зарабатывать. Но в их компании чувствуешь себя древним аксакалом...

Вот почему давным-давно, более 20 лет тому назад, соорудив парусную лыжу по чертежам журнала «Катера и яхты»,

© ЭКО 2010 г.

я катался на ней в одиночестве и по заснеженным полям, и по застывшему морю. Но это были просто веселые почти горнолыжные «покатушки», когда приезжаешь на заснеженный пляж, собираешь свой парусный снаряд и уносишься в голубую даль. После первых же галсов возникало желание сходить куда-нибудь подальше, самое очевидное — в родную деревню Абрашино: всего-то-навсего 130 км. По безбрежному заснеженному морю. Море знаю хорошо, все его острова, бухты, места стоянок. Но то летом! Зимой пейзаж меняется до неузнаваемости. Была некоторая вероятность ухнуть в прикрытую снегом полынью, надо было предусмотреть средства спасения. Наконец, неплохо было бы стартовать при не штормовом ветре, желательно и не попутном, и не противном. Неплохо было бы также идти солнечным днем с обычной весенней погодой. Ночью — около -10 , днем — около нуля!

Когда условия совпали, я облачился в горнолыжный комбинезон, высокие прорезиненные кроссовки, шлем, не забыл и черные очки и рванул на плотину Новосибирской ГЭС. Приятель подбросил меня к тому месту на дамбе ГЭС, откуда уходят новосибирские рыбаки к местам зимней рыбалки у знаменитого острова Тайвань. По выходным дням у этого острова собираются сотни рыбаков. Когда мне случалось проноситься мимо сидящих у лунок ловцов удачи, чаще всего вслед кричали: «Парень, ты чем ее толкаешь?» Потому что даже при слабом ветре лыжа неслась по насту с очень приличной непонятной скоростью.

Причиной тому служил так называемый «буерный эффект», когда при движении навстречу ветру вымпельный ветер может в разы превышать истинный, ибо трения почти нет. И лыжа разгоняется и разгоняется, впору вытряхивать ветер из паруса. В таких условиях не только шлем — необходимость, но и защита локтей, коленей, спины. Правда, эту защиту я с собой не брал, надеялся просто бросить парус в случае необходимости.

Пока же передо мной расстилалась белая гладь — до Боровских островов около 40 км. Ширина моря здесь — до 20 км. Ветер держался одного направления запад — юго-запад, солнце всходило в тумане, обещая хорошую погоду, и ветер 5 м/сек

не требовал даже трапеции. С тем я и ушел в белое безмолвие. Берегов видно не было, слева довольно быстро растаял в дымке остров Тайвань, а потом и островок с веселым названием Хреновый. С собой у меня был термос чая, бутерброды, телефон и зажигалка со спичками. Для страховки от полыньи надел я очень тонкий жилет, который надувался из баллончика за 10 сек. А там, был уверен я: добегу до ближайшего жилья, опыт у меня такой был. Может быть, даже снаряжение спасу.

На случай безветрия тоже предусматривался единственный вариант: дотащить лыжу, парус и мачту с гиком до ближайшей деревни, уехать в город и потом за ними вернуться. Правда, вот здесь, в начале пути, место самое глухое, слишком далеко до ближайшего жилья. Хотелось скорее добраться до Боровских островов. И лыжа, подчиняясь моим мыслям, мерно шелестела по весеннему насту, а пластиковый парус периодически похрустывал на порывах ветра. Ни следов, ни дорог, ни тропинок... впору вынимать компас, чтобы взять верный курс.

Хотя утренний туман понемногу рассеивался и видимость улучшалась, но земли все равно не было видно ни справа, ни слева, ни прямо. А ниточка дамбы Новосибирской ГЭС растаяла за спиной уже через 20 минут. Ориентировался я исключительно по солнцу и часам. И через час справа по курсу показался первый Боровской остров. Шел я все время правым галсом от курса в полветра до полного бейдевинда, и даже времени устать или притомиться просто не нашлось! А потому взял я покруче вправо и самым острым курсом влетел в пролив между первым и вторым Боровским островом. Справа осталась бухточка, где провели мы столько незабываемых стоянок, либо пережидая непогоду, либо просто переводя дух после первого длинного перехода.

Дух мне можно было не переводить, и потому я опять увалился и покатил к самому большому острову, который у туземцев носил название «нашенский». На «нашенском» острове десятки лет проводила лето одна и та же компания под предводительством Александра Чугаинова. Остров большой, и порядок на нем устанавливался железный, начиная с оборудования мест общего пользования, уборки территории

до утреннего подъема флага. Конечно, кто не хотел, мог и не вставать, но, как ни странно, весь гарнизон острова, состоящий из седовласых корифеев сибирской науки и их юных спутников и спутниц, рад был впасть в пионерское детство, к тому же без обязательного мертвого часа и отбоя. Ночи у таких пионерских костров под гитару, случалось, затягивались до утра. Основное было — не мешать окружающим и обязательно убирать за собой мусор.

Кроме порядка и хорошей компании, на этом острове было и главное — баня! И не простейшая геологическая в палатке, а настоящая, рубленая, на высоком берегу, в виде сруба, врытого в землю по самую крышу. От банной двери короткая траншея выводила парильщиков прямо в море, и с невысокого обрывчика можно было падать в ласковые обские волны. А потом начинались сказочные послебанные посиделки.

Все это я вспомнил, пролетая мимо «нашенского» острова, и банный вход в высоком берегу был хорошо виден. Я оставил Боровские острова справа и полетел к Пичуговским. Ветер стал понемногу заходить к югу, и приходилось брать все круче, пару раз даже цеплял трапецию.

Слева впереди открывался островок с еще более веселым названием Елбань. Здесь я вытряхнул ветер из паруса, остановился и решил выпить чаю. Прошло уже около двух часов. И более всего устали у меня глаза, потому что приходилось до боли вглядываться в снежное поле, чтобы вовремя заметить торос или признаки полыньи, не спасали даже черные очки. Солнце все больше уходило к югу, и начинало слепить глаза. А потому лучше было поторопиться.

Лыжа снова мерно шелестела по снегу, стали попадаться тропинки и даже следы колес, ибо слева возникала Ерестная, справа — Красный Яр, а значит, начнут попадаться и рыбацьи лунки. Ну лунки-то моей лыже не страшны, как-никак длинна — 2,45 м. Не наехать бы на промоину или очень тонкий лед, который, как правило, бывает в камышовых зарослях. Такие заросли зачернели впереди, у острова Буян, напротив села Шарап.

20 лет назад, во время большого парусного похода на трех катамаранах из Новосибирска в Абрашино, здесь мой

приятель, москвич, рано утром снял огромного судака. Судак, похожий на хемингуэевского мерлина, потом долго бился в катамаране, борясь за жизнь, и наконец был торжественно сварен на очередной стоянке в огромном ведре.

Уха получилась настоящая: кроме рыбы, лука, соли, перца и стакана рислинга, в ней не было ничего! Прямо по рецепту Пушкина, который, как известно, советовал влить в уху стакан Шабли, может, потому и ложка в этой ухе стояла! Даже далеко не ледяная водка не могла испортить тех божественных гастрономических ощущений! И шестеро парусных скитальцев за полчаса умяли ведро ухи!

Эти теплые воспоминания сильно грели душу, когда сквозил я мимо заснеженного пляжа в Ерестной, где варилась когда-то та незабываемая уха.

А впереди уже начинали громоздиться торосы и посверкивать ледяные брустверы вдоль главной ледовой дороги Обско-го моря: Ордынск – Нижняя Каменка. Длина дороги здесь – около 8 км, но перескочить ее с ходу – маловероятно, слишком крутые брустверы, нарытые бульдозерами, и отвесные стенки. Да и машины шли довольно часто. У правого берега – вообще скопление авто, там – стерляжки ямы, и народ искренне ловит удачу.

Дело шло к полудню, когда я дождался большого просвета на дороге и быстро перетащил свой парусный снаряд в сторону Большого Каменского острова. Остров этот интересен своей огромной лагуной, где хорошо было отстаиваться во время южных штормов. Правда, килевым яхтам туда ходу не было, слишком мелко... А вот швертботам и катамаранам – раздолье.

Пока же я скользил к острову и решал, где идти, вдоль левого или правого берега моря. По-хорошему, надо было идти левее, чтобы не терять ветер, но там мели и настоящие заросли камыша, велик шанс провалиться. Потому пошел я по фарватеру, и конечно, высокий обрывистый берег сразу прикрыл меня от ветра, так что лыжа почти остановилась. Пришлось заняться когда-то запрещенным пампингом, т.е. греблей парусом, и как на самокате выкатиться из ветровой тени, слава богу, парус, семиметровый «Хоук», не подкачал. А дальше хорошим ходом долетел я до Елбанских островов – это почти Хмелевка.

К этим островам в начале восьмидесятых совершил я первый совместный парусный поход. Шестилетний сын Максим с таким же приятелем шли на дюралевой лодочке «Малютка», на которую я поставил шверт, руль, мачту и парус от «Оптимиста». А я сопровождал юных моряков на старом-престаром «Мустанге», привезенном из Таллина. Палатку мы поставили на Большом Елбанском острове, и от него сгонял я на Большой Каменский, а возвращаясь, попал под сильнейший дождь и встречный ветер.

Каково же было мое удивление, когда мокрый и продрогший, ввалившись к пацанам в палатку, я нашел там только что сваренную картошку и приготовленные для меня бутерброды с салом. Большого подарка трудно было себе представить. Я объявил экипажу благодарность и предложил подождать улучшения погоды. Скоро дождь прекратился, а южный ветер не утихал. Ребята были в жилетах, и я предложил идти в лавировку домой. Однако лавировочные качества и лодочки, и старого паруса были невысоки, через полчаса борьбы я взял ребят на буксир. Активно темнело, ветер чуть усилился, дело шло к большой ночной грозе.

Через пару часов выматывающей лавировки с грузом за кормой, при первых раскатах грома и слепящих молниях мы наконец ткнулись в родной берег.

Света в деревне не было, его всегда отключали при грозах (электричество вообще появилось в деревне Абрашино лишь в 1975 году! До этого был только движок на пару часов в день, это 20-й век в Сибири!), но в избушке нашей окно светилось. Бабушка стояла со свечой у иконки Николая Угодника и истово молилась о сохранении жизни странствующих по морям. Слезы брызнули у нее из глаз, когда увидела нас живыми и здоровыми. Я тут же напомнил ей Гомера: все люди делятся на живых, мертвых и плывущих по морям. Все в порядке, дорогая Евгения Ивановна, мы с Максимом снова живые!

Вот о чем напомнили мне Елбанские острова, бесконечной белой грядой проплывающие справа.

А вот и знаменитый хмелевский мыс, его высокий обрыв однажды спас нас от крупных проблем. Шли мы на двух катamarанах из Новосибирска на слабом фордаке – бакштаге, пели

песни под гитару и не видели, что за спиной собирается громадная лилово-черная туча. Это называется: пренебрежение правилами хорошей морской практики. Когда на первом порыве я оглянулся, тут же заорал не своим голосом: «Паруса долой!», но было уже поздно. Жуткий шквал вдавил гик в ванту, чудом ее не порвав, а грот просто облепил все части рангоута и стоячего такелажа, за кормой возник бурун, как за хорошим катером. В кокпите в беспорядке лежали гитара, большой фотоаппарат «Пентакон», кинокамера, бинокль... И все это готовилось ухнуть в бездну, ибо страшная штука брочинг действует и на катамараны, правда, они чаще переворачиваются через нос!

Я закричал товарищам: «Курс на обрыв, не давайте приводиться!» Ибо это — неминуемый переворот. За 5 минут, показавшихся нам вечностью, мы влетели в ветровую тень хмелевского мыса и мгновенно вытащили суда на берег, как говорится, не замочив сапог. А в море уже начиналось белое безумие...

Меня пока не настигали ни страшные шквалы, ни прочие природные катаклизмы. Солнце светило все ярче, и ветерок потихоньку стихал. Хотелось добраться до места все-таки под парусом. Впереди на левом берегу уже синели дымы древнего сибирского села Кирза, что напротив Абрашино. Еще полчаса неспешного хода, иногда приходилось даже помогать себе ногой, как на самокате, да и подгрести парусом, который при этом, конечно, недовольно хрустел.

Вот я и у родных мостков, где летом регулярно швартую свою яхту. Деревня завалена снегом по самые крыши, но кое-где трубы дымят, значит, жизнь теплится, хотя дорог нет, по улицам только кривые тропинки среди сугробов. Лыжу с парусом бросил у причала — разберу и унесу потом. Пока же бегом отпирать двери дома. Снегу во дворе по грудь — прямо шерешешская целина. Три главные немедленные задачи: затопить печку в доме, добыть воды и затопить баню! В таком порядке они и были решены.

Деревенский сосед, увидев меня с лыжей на плече, удивился: «Профессор, ты на чем добрался из города?» — «А вот на этой лыже с парусом!» — «Ну ты даешь!» После чего последовало сложное идиоматическое выражение. Я в этой

деревне живу уже 35 лет и привык удивлять своих соседей какими-нибудь заморскими штучками, хотя вот конкретно парусная лыжа была придумана именно в России! С тем я сложил свое парусное снаряжение в сарай и нырнул в готовую баню.

Мало что может сравниться с банным священнодействием после задуманного и исполненного непростого проекта. А одиночная парусная гонка по безлюдному зимнему морю – испытание не для слабонервных, даже в хорошую погоду. Риск, безусловно, был. Хотя никуда я не проваливался, и в снежных бурях не терялся. Так что свежие июльские березовые веники выбили из меня остатки стресса и усталости и гарантировали глубокий и здоровый сон.

А утром другой сосед, известный генерал Осокин, захватил меня с собой в город (как говорят альпинисты – очередная пруха!). Ему-то я и пообещал подробно описать свои приключения.

Александр ШАПОШНИКОВ,
Новосибирск

В следующий номер готовятся:

- Программа «500 дней»: оценка, с позиций сегодняшнего дня, идей перехода к рынку и результатов их реализации
- «Трудная» нефть – опыт Томской области в освоении и использовании нефтегазовых ресурсов
- Снова о «лукавой цифре»: без качественной статистики невозможна обоснованная экономическая политика
- Химическая промышленность России: на пороге большого скачка?
- Энергетическая хартия – два разных взгляда на проблему
- Компания «Сан» – к производству мирового уровня
- Как изучают олигархическую экономику
- Можно ли верить бухгалтерской отчетности и как отличить креативный учет от мошенничества?
- Доверие в торговых традициях исламских стран
- Что происходит в России: только ли демодернизация общества и экономики?